

МАЙК НАУМЕНКО

Александр Кушнир

Бегство из зоопарка

18+

ВЫРГОРОД

Александр Кушнир

**Майк Науменко.
Бегство из зоопарка**

«Автор»

2020

УДК 82-94
ББК 85.313(2)

Кушнир А. И.

Майк Науменко. Бегство из зоопарка / А. И. Кушнир — «Автор»,
2020

ISBN 978-5-905623-18-9

Михаил «Майк» Науменко (1955–1991) – поэт, переводчик, музыкант и одна из наиболее безусловных икон «русского рока». То ли человек, то ли былинный герой. Именно поэтому его литературная биография вынуждена сочетать в себе черты исторического романа и «Одиссеи». Такова книга Александра Кушнина «Майк Науменко. Бегство из зоопарка», в которой воспоминания очевидцев событий переплетаются с неоспоримыми документами, а личные впечатления соседствуют с аналитическими выкладками. Издание завершает триптих книг автора, посвященный «жизни запрещенных людей», героями предыдущих двух томов которого были Сергей «Капитан» Курёхин и Илья Кормильцев.

УДК 82-94
ББК 85.313(2)

ISBN 978-5-905623-18-9

© Кушнир А. И., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Объяснительная записка	7
Часть I	14
Странные объекты между светом и звуком	15
Школа жизни	23
Зубы Родиона	30
Пески Петербурга	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Кушнир

Майк Науменко. Бегство из зоопарка

Памяти Бориса Мазина

© Кушнир А. И., 2020

© Выргород, 2020

© Боева Б. Н., дизайн и верстка, 2020

Фото: Дима Конрадт

Днем у тебя есть всё —
Всё, ради чего стоит жить:
Дело, друзья, иногда даже деньги
И вино, и с кем его пить,

Ведь ты – звезда рок-н-ролла
(По крайней мере, так говорят)
И мальчики в грязном и душном кафе
Счастливы встретить твой взгляд
И пожать твою руку.

Но ночью...
Ночью ты опять один.
Эй, звезда рок-н-ролла!
Что сможешь ты отдать за то, чтоб заснуть?
Что сможешь ты отдать, чтоб себя обмануть?
Эй, звезда рок-н-ролла!

Но новый день принесет покой
И вечером будет игра.
Новый день, все те же старые лица —
Как вся эта игра стара!

Но ты – звезда рок-н-ролла,
И вот ты включил аппарат...
И ты снова поешь все тот же старый блюз —
Ты играешь, ты счастлив, ты рад.

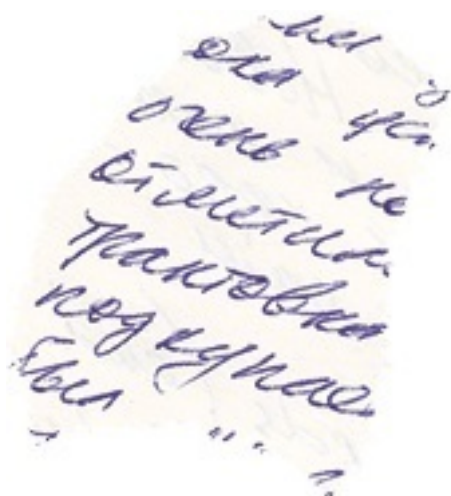
Но ночью... Ночью ты опять один.
Эй, звезда рок-н-ролла!
И ты не помнишь, как звать ту, что спит рядом.
Не помнишь – и ладно, да и помнить не надо —
Ты – звезда рок-н-ролла!

Но кто тебя слышит? Десяток людей.
Кто тебя знает? Никто.
Им плевать на то, что ты им отдаешь —
Им важней успеть забрать пальто
Когда ты кончишь петь.

И ночью ты будешь опять один.
Эй, звезда рок-н-ролла!
Попробуй заснуть, но никак не спится.
Эй, звезда рок-н-ролла!
И если завтра проснешься – попробуй влюбиться,
Как звезда рок-н-ролла!

Майк Науменко

Объяснительная записка (Вместо предисловия)

Сначала все было просто и понятно. Как только я завершил работу над книгой «Кормильцев. Космос как воспоминание», у меня появилась возможность зарыться в свою коллекцию пластинок шестидесятих годов. И уже осенью 2017 года я по уши погрузился в написание книги «Поколение Вудстока: герои, маргиналы, аутсайдеры». Название было немного фейковым, поскольку настоящая идея крылась в подзаголовке: «100 маргинальных альбомов золотой эпохи рока».

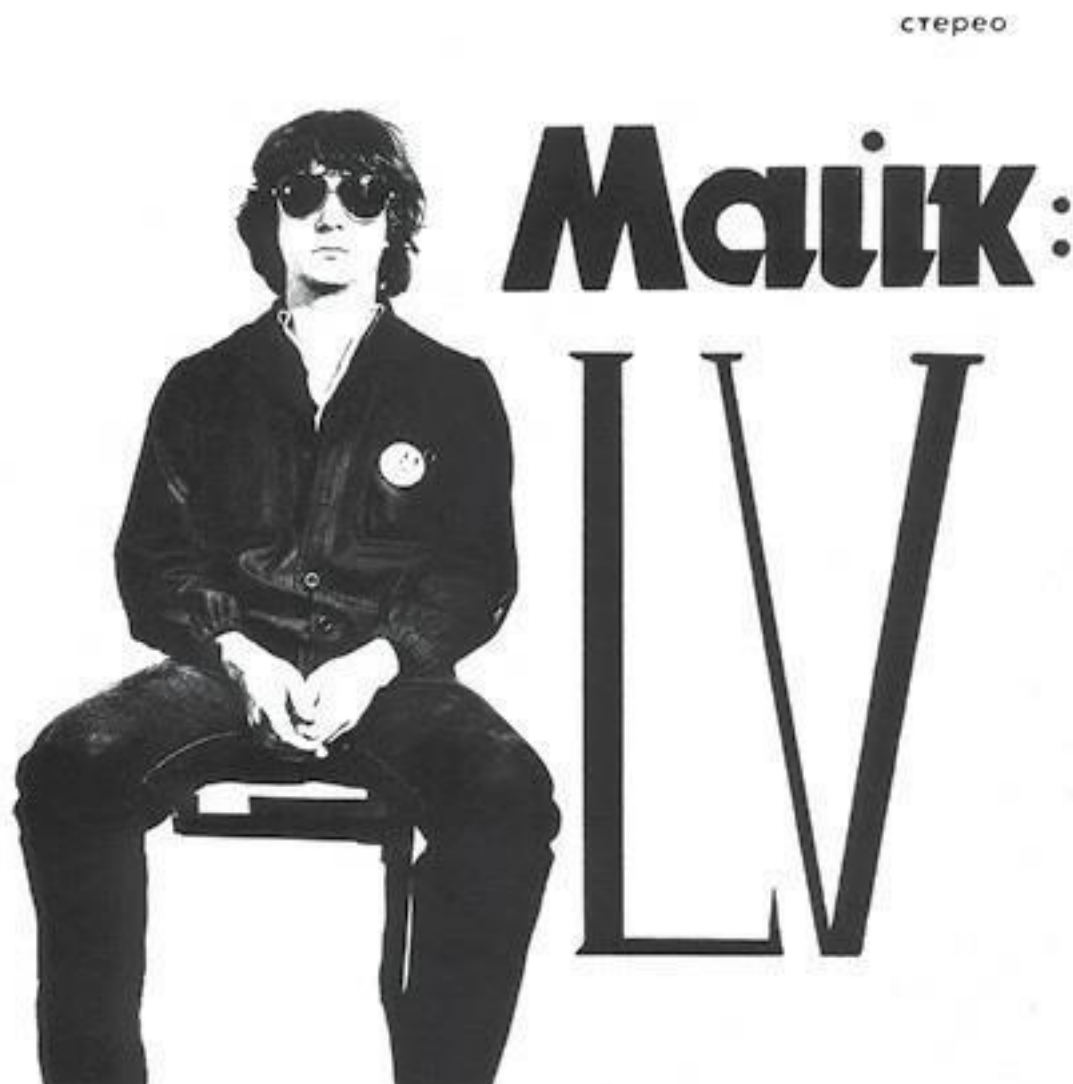
Всею виной, конечно, любопытство. Мне было дико интересно копаться в виниловых завалах, общаться с пластиночными дилерами и коллекционерами со всей страны. Речь шла о той безбашенной эпохе, когда музыканты тоннами жрали амфетамин и не слишком рефлексировали на предмет собственного творчества. Находившиеся на пике формы Моррисон, Джоплин и Хендрикс вовсю «жгли» на концертах, а «Ангелы Ада» еще не убили дух шестидесятих на рок-фестивале в Альтамонте.

За полгода мною была отобрана сотня редчайших пластинок кислотного фолка, шикарной психоделии, гаражной музыки и раннего панка. Параллельно я написал несколько эссе про незамутненных певиц вроде Карен Далтон или безумную группу The Holy Modal Rounders. Я конструировал необычную книгу и видел многообещающий свет в конце тоннеля – ни критика, ни комплименты не имели в тот момент никакого значения. В лесу под Киевом были подготовлены новые главы о барде-наркомане Тиме Бакли, гениальной самоучке-стоматологе Линде Перхакс и недооцененном рок-составе Liverpool Scene.

Тексты писались быстро, легко и от руки – в тетрадку с неровными полями. Казалось, что торопиться некуда, и ничто не предвещало каких-либо катаклизмов и метаморфоз. В досуговом режиме мы с друзьями сходили на фильм Кирилла Серебренникова «Лето», который понравился своей теплотой по отношению ко времени и его героям. А вскоре гастрольные тропы занесли меня в заповедную Гжель, где на выставке местного художника и рок-активиста Юры Гаранина я увидел несколько экспонатов, взорвавших мне мозг.

Дело в том, что в середине восьмидесятих Гаранин организовывал квартирники Гребенщикова, Макаревича и Науменко, лишая гжельскую молодежь затянувшейся невинности. Следствием этих экспериментов оказались подаренные культуртрегеру картины с наивной живописью Гребенщикова, магнитоальбомы «Зоопарка» и знаменитые черные очки вокалиста – их Наташа Науменко передала Юре в день похорон Майка.

Венцом коллекции оказалось письмо лидера «Зоопарка» Андрею Макаревичу, которое было отдано Гаранину с указанием «передать лично в руки» идеологу «Машины времени». Но... не случилось. Честно говоря, я слегка ошалел от таких неожиданных богатств. Особенно мне приглянулась изготовленная Юрой фарфоровая статуэтка Майка, играющего на гитаре. Я пытался, но не смог удержаться от соблазна и попросил художника сделать мне копию. Без суеты, когда будет время.

Обложка магнитоальбома «LV», 1982

Вскоре на знаменитой киевской барахолке мне попался виниловый диск «LV». Сольный альбом Майка был в идеальном состоянии, но стоил, сука, нереально дорого. Похоже, хозяева понимали, что охотник до подобных красот когда-нибудь найдется. Как назло, на соседней полке красовался «концертник» психоделической группы Pearls Before Swine – еще одних героев будущей книги про «поколение Вудстока».

Сказать, что альбом команды Тома Раппа представлял собой «значительную ценность» – значит, не сказать ничего. Как назло, денег в тот момент хватало только на один из дисков, о чем я и сообщил продавцу – впрочем, без особой надежды.

Но тут случилось «чудо № 1». Ушлый торгаш с пропитым лицом улыбнулся и значимо сообщил, что «вырос на моих книгах». И готов отдать диск Науменко в обмен на биогра-

фию Сергея Курёхина «Безумная механика русского рока», которую в Киеве раздобыть невозможно.

Вечером того же дня, цинично конфисковав собственную книгу у родственников, я стал счастливым обладателем обеих пластинок. Дело было – это важно – 26 августа 2018 года, накануне годовщины смерти Майка Науменко. На следующий день я вернулся в Москву, где друзья поинтересовались, не собираюсь ли я делать в соцсетях какой-нибудь пост про Майка. О приобретенном в Киеве альбоме «LV» они знать не могли, поэтому совпадение выглядело просто мистическим.

Слева направо: Кирилов, Гаранин и Майк, 1986
Фото из архива Юрия Гаранина

«А почему именно Майк?», – недоуменно спросил я. «Ну как же? – удивленные моей дремучестью, ответили боевые товарищи. – Сегодня же день его памяти!»

С некоторым опозданием я опубликовал в интернете концертное видео «Пригородного блюза», сыгранного Науменко вместе с Гребенщиковым на юбилейном фестивале Ленинградского рок-клуба. Вдруг я понял, что это выступление происходило в марте 1991 года, за пять месяцев до смерти музыканта. Глубокой ночью, держа в руках пахнущую сыростью и неизвестной жизнью пластинку «LV», я задумался: а видел ли сам Майк этот альбом?

Виниловый диск был издан в 1991 году фирмой «ЭРИО» – одним из первых независимых лейблов, посягнувших на монополию фирмы «Мелодия». «ЭРИО» создавали мои старые приятели: бизнесмен и музыкант Василий Лавров, художник Кирилл Кувырдин, журналистка Оля Немцова. Затем жизнь разбросала их по всему свету: я Лавров затерялся где-то под Парижем, Немцова уехала из Москвы, а Кувырдин живет в Сан-Франциско, но легко вычисляется в интернете. В ответ на мой вопрос о дате выпуска пластинки Кирилл, сославшись на амнезию, перебрал меня на Немцову.

Блестящий журналист и один из промоутеров фестиваля «Рок-акустика'90», Оля Немцова уже давно обитает в Питере под фамилией Мартисова. Я написал ей письмо с вопросом,

помнит ли она дату выпуска диска и держал ли Майк его в руках? В конце приписав, что мне это надо не «корысти ради», а исключительно для понимания «непреходящих ценностей» современной культуры.

Оля оперативно ответила, что альбом «LV» был выпущен при жизни Науменко.

«Я подписывала с Майком договор, – вспоминала она. – Он меня еще борщом кормил... Смешно – когда первый раз встречались – спросил: „Как я вас узнаю?“ Я ответила, что я-то его узнаю точно. Встречались на „сквозняке“ – станции метро „Маяковская“. Он был ласков, скромен и очень удивлен тому, что нашла фонограмма... А нашла-то она случайно, где-то в архивах у звукорежиссера Леши Вишни».

Не без волнения прочитав эти короткие мемуары, я ощутил, насколько туманна для меня история «Зоопарка» и его предводителя. Не говоря уже о том, что подаренный Сашей Липницким документальный фильм о Науменко я даже не удосужился посмотреть. Бля, и что же мне с этим богатством теперь делать, если в самом разгаре работа над другой книгой?

Затем по ночам мне начал сниться Майк. Всевозможные сцены из жизни и стоп-кадры, по которым я его помню. Это было уже не смешно.

Как феерично он выступал на «советском Вудстоке» в Подольске осенью 1987 года. Степень его алкогольного помутнения была незаметна, а сам концерт в «Зеленом театре» напоминал выход в открытый космос – без скафандров, но с электрогитарами. Неудивительно, что все карманные деньги я спустил тогда на фотки «Зоопарка», продававшиеся за кулисами. А примерно через год вырезал из молодежного журнала «Парус» концертный снимок Майка, который затем долго возил по разным странам – как один из экспонатов выставки подпольной рок-прессы 80-х годов.

Или другой сон. О том, как Науменко в ноябре 1988 года появляется в гримерке буквально за несколько минут до выхода на сцену переполненных Лужников – в рамках концерта памяти Саши Башлачёва. Помню, что лидера «Зоопарка» пошатывало, и он не без труда держался за дверь. Затем, глядя на притихших музыкантов, медленно произнес: «Мастерство артиста заключается не в том, чтобы не забывать слова. А в том, чтобы не опаздывать на собственный концерт... и не наблюдать выступление своей группы из зала».

Сны стали повторяться, жить так оказалось невозможно, и я придумал новый способ, как изгнать духов. На следующий день перешел в атаку – отключил телефон и обложился книжками про Майка. Просто так, из любопытства. Повторное чтение мемуаров дало неожиданные результаты. Если избегать резких оценок, скажу, что московские критики были не всегда в теме и часто барахтались на мелководье, постоянно жалуясь, что «в головах у свидетелей остались только самые отрывочные воспоминания». Ох, забудем скорее...

Питерские авторы создавали глубокие и эмоционально безупречные тексты. Все строчки о Майке читались органично и крайне драйвово. Наш герой словно мчался на коне – from here to eternity. Эти воспоминания, написанные земляками Науменко, выглядели пронзительными и искренними. Но в них совершенно отсутствовал географический объем, и порой они казались наглухо местечковыми.

Все выглядело так, словно и не было у Майка ни сенсационного дебюта в Москве, ни подпольной акустики в Свердловске, ни сюрреалистического турне по Дальнему Востоку. Не говоря уже о ментовском «винте» в Киеве или о трагическом последнем концерте в Белоруссии. Как будто все тридцать шесть лет своей жизни музыкант Науменко просидел безвылазно в Питере на жопе ровно. Никуда не ездил, нигде не играл и ни с кем за пределами Ленинграда не общался.

Я смутно догадывался, что это, наверное, не идеологическая позиция. Скорее всего, причины в бытовой лени и герметичном образе жизни, как будто за пределами Санкт-Петербурга никакой цивилизации не существует. Наверное, я бы все это делал по-другому....

Затем произошло «чудо № 2». Откуда-то из сумрака джаз-клуба Алексея Козлова материализовался Юра Гаранин с фарфоровой статуэткой Майка в руках, от которой невозможно было отвести взгляд. В некоторой панике от такого стечения обстоятельств я еще раз попытался отвлечь судьбу и спрятал фигурку – глубоко в ящик антикварного шкафа. Но небеса оказались настойчивее.

Через несколько дней я встретился с андеграундным продюсером Олегом Ковригой, который за четверть века выпустил множество альбомов Науменко. Он принес мне несколько редких дисков «Зоопарка», а заодно рассказал о подпольном сейшне Майка и Цоя, который организовывал у себя дома в Москве зимой 1985 года. Затем мы позвонили боевому товарищу Олега по музыкальному издательству «Отделение «ВЫХОД» – коллекционеру архивных записей и аудиореставратору Евгению Гапееву. Женька сразу начал сетовать на то, что ему до сих пор не удается найти множество незаписанных Майком композиций, которые исполнялись на концертах: «Час Быка», «120 минут», «Блюз Вооруженных сил стран Варшавского договора», «Специальные дамы» и что-то еще.

Б Г+ Майк: «Пригородный блюз»

Фото: Алексей Кузнецов

«К примеру, гитарист Наиль Кадыров помнит несколько куплетов из песни со словами „здесь нас никто не любит, а только обижает“, – рассказывал Гапеев. – Некоторое время барабанщик „Зоопарка“ Валера Кирилов ходил в футболке с такой надписью. Они исполняли этот рок-н-ролл в каких-то сибирских или уральских городах, но записей я так и не нашел».

Белых пятен становилось все больше. Они меня явно затягивали, и я никак не мог себе признаться, что книгу про Вудсток придется отложить. Стало очевидным, что моими мыслями целиком и полностью завладел Михаил Васильевич Науменко со своими «Старыми ранами». Отпираться и обманывать самого себя больше не имело никакого смысла. Я достал из антикварного шкафа фарфоровую статуэтку Майка – и поставил ее на рабочий стол.

Статуэтка Майка. Автор: Юрий Гаранин

Магнитофонная коллекция Майка

Часть I

Период неоформленной мифологии (1972–1979)

Фото: Андрей «Вилли» Усов

Странные объекты между светом и звуком

«Про рок-н-ролл не буду говорить, Юнцы занялись сдуру этим делом – Недюжинным, коварным, жадным, смелым, Но про героев лучше позабыть»

Майк Науменко, «Письмо другу о музыке»

Мартовским вечером 1975 года в Ленинграде было по-зимнему морозно. Но внутри клуба книголюбов «Эврика», затерянного среди университетских общежитий у станции метро «Парк Победы», плыло жаркое «лето любви». Как-то здесь выступил с подпольным концертом Владимир Высоцкий, а теперь, в рамках лекции «Пути развития современной музыки», культуролог Владимир Фейертаг вывел на сцену молодых артистов и певцов «городского фольклора».

У входа в театральный зал, где обычно репетировала пресная художественная самодеятельность, кучковалась стайка «посвященных» меломанов. Среди них находился 19-летний студент инженерно-строительного института Миша Науменко. Он жил рядом на Варшавской улице, пришел одним из первых и занял место ближе к сцене. Свет погас, и мероприятие началось.

«Как вы, наверное, знаете, рок-музыка возникла не в Калуге», – откашлявшись, начал лекцию Фейертаг. Проиллюстрировать эту мысль был призван молодой фолк-ансамбль «Акварели», выступавший неполным составом. На гитаре играл Юрий Берендюков, на скрипке – Николай Марков.

В центре сцены с громоздкой виолончелью сидел сын авиаконструктора и внук известного океанолога – Сева Гаккель. Сосредоточенно глядя в одну точку, он исполнял фолк-композиции из боевого репертуара Нила Янга и Пола Саймона. Отраженный от стен и низкого потолка звук приобретал настолько выразительный характер, что зрители забывали о путях развития современной музыки – атональный шквал в исполнении длинноволосого Гаккеля обращал мероприятие из просветительского в психоделическое.

Следующим выступал юный Саша Ляпин из группы «Ну, погоди!». В платочке, повязанном вокруг шеи, он постоянно выпячивал челюсть, странно шевелил губами и лихо заполнял стоном электрогитары окружающее пространство. Возбужденный Фейертаг метался по залу и восклицал: «Смотрите, смотрите! Это наш ленинградский Джими Хендрикс!»

Затем на сцену вышло студенческое трио под названием «Аквариум». По слухам, они исполняли акустику в духе Вудстока, что звучало тогда в СССР как лютый авангард. Первым появился симпатичный басист по прозвищу Фан и сразу демонстративно повернулся к залу спиной. За ним вышел интеллигентный флейтист Дюша в белой рубашке, жабо, тонких круглых очках и с длинными волосами до плеч.

Третьего музыканта звали Борис Гребенщиков. Миша Науменко вспомнил, что видел его в своей английской спецшколе, куда изобретатель «Аквариума» заходил меняться пластинками с местным киномехаником. Там, на почве обсуждения альбомов Jefferson Airplane, и состоялось «шапочное» знакомство, о котором Науменко и Гребенщиков вскоре успешно позабыли.

Рок-фотограф Андрей «Вилли» Усов вспоминал, что на концерте в «Эврике» Борис был, что называется, «в образе». Он пел и подыгрывал себе на губной гармошке и двенадцатиструнной гитаре. Из дров фабрики имени Луначарского он извлекал блюзовые аккорды и незаметно полуулыбался этим небесным звукам. Казалось, ему было все равно, сколько человек его слушает. Дух молодого Гребенщикова словно парил над аудиторией – и было отчетливо видно, кто здесь «главный артист».

«В середине одной из композиций на сцену выскочил безымянный барабанщик, – рассказывал впоследствии Сева Гаккель. – Он сел за ударную установку, очень эффектно вступил и после окончания песни так же загадочно исчез. Больше я его никогда не видел и почему-то решил, что так и было задумано».

К моменту исполнения «Блюза свиньи в ушах» неизбежное шипенье в колонках внезапно прекратилось, и до Миши Науменко донеслись слова: «Вы слышите меня, в ушах у вас свинья / Вы не поймете, для чего пою вам это я».

На этой звонкой декларации дебют «Аквариума» в «Эврике» закончился. Другие события того вечера уже не имели никакого значения.

Оказавшись снаружи, Науменко некоторое время потоптался у входа, вспоминая «странные объекты между светом и звуком». Очарованный услышанным, он был уверен, что непременно туда вернется – только пока не представлял, когда именно. Теперь ему хотелось не просто наблюдать происходящее из зала, а стоять на сцене вместе со своей рок-группой. Через несколько дней студент ЛИСИ Михаил Науменко пошел в деканат и написал заявление об отчислении по собственному желанию.

Мать Майка, Галина Флорентьевна
Фото из архива Натальи Науменко

Будущая «звезда рок-н-ролла» Майк Науменко родился 18 апреля 1955 года. Он был петербуржцем в четвертом поколении. Его отец, Василий

Григорьевич, трудился преподавателем инженерно-строительного института, а мать, Галина Флорентьевна, закончив учебу в ЛИСИ, работала в дирекции библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

Подробных сведений о молодости его родителей не сохранилось. Говорят, что родственники отца были родом из Украины. Родители мамы – наполовину немцы и выделялись обстоятельным подходом к жизни. Дедушка, Флорентий Флорентьевич Брейтигам, по слухам, был склонен к чудачествам. Утверждают, что он даже писал научную работу о зверушке с названием «пипа суринамская».

Бабушка, Надежда Ивановна, происходила из семьи потомственных петербуржцев. Майк иногда привирал друзьям, что она – «смолянка», хотя Надежда Брейтигам училась не в Смольном, а в одном гуманитарном институте. Бабушка свободно говорила по-французски, была обучена манерам, обладала острым чувством юмора и крепко дружила с внуком.

Когда началась Великая Отечественная война, 23-летний Василий Науменко сразу же пошел воевать на ленинградский фронт. Часть продуктового пайка и редкие посылки от украинских родственников он отправлял будущей жене. Похоже, именно таким образом семья Брейтигам смогла пережить блокаду.

Сама Галина с лета 1941 по весну 1942 года служила в штабе оборонно-строительных работ на станции Дибуны, а затем – продолжила учебу в Моздоке, Ереване, Ессентуках и, наконец, Барнауле, куда институт был эвакуирован из Ленинграда. Там она снова встретилась с Василием Науменко. Провожая девушку по занесенным снегом улицам города, будущий доцент инженерно-строительного института негромко читал ей стихи собственного сочинения: «Вот опять со мною рядом ты сидишь / И с улыбкой тихой в шутку говоришь: / „Ты – теперь мой пленник, пленник навсегда / Будем вместе ехать долгие года“».

Перед таким напором чувств робкая девушка-библиотекарь устоять не смогла, и ее сердце поддалось. После войны молодые люди вернулись в Ленинград, в 1946-м сыграли свадьбу, а через год в семье Василия и Галины Науменко родилась дочь Татьяна. Еще через восемь лет у них появился второй ребенок – сын Миша. Поскольку дед его был немцем, а отец – украинцем, о себе Миша говорил, что он – наполовину хохол, на четверть немец и на четверть русский.

Родные вспоминают, что в детстве Науменко обожал читать энциклопедии и словари, неплохо разбирался в марках автомобилей, но особенно сильно увлекался самолетами. В школьные годы он собрал коллекцию книг об авиации и в течение многих лет покупал пластмассовые модели для сборки. В комнате Миши Науменко хранилось множество общих тетрадей с эскизами самолетов в сопровождении лётно-технических характеристик всех моделей. На направляющий вопрос отца: «А может, ты собираешься в будущем стать военным летчиком?» сын, не задумываясь, отвечал: «Ни в коем случае!» Уже тогда у него наблюдалось традиционное предпочтение изящной формы грубому содержанию. Армию и приказы он не любил с детства.

Отец Майка, Василий Григорьевич
Фото из архива Натальи Науменко

В семилетнем возрасте Мише довелось посетить Вьетнам, где его отец в должности горного инженера помогал братскому народу строить мосты. Добравшись на поезде до Ханоя, внук написал любимой бабушке: «Сегодня, 1 мая, мы были на центральной площади и видели живого Хо Ши Мина.... На площадь мы приехали на „Москвиче“. А вчера видели хороший концерт на открытом воздухе.... Мне больше всего понравилось, как барабанщик бил в барабан».

Вернувшись в Ленинград, Науменко-младший еще долгое время восторженно вспоминал об аристократической жизни «белых» людей, которым прислуживали вьетнамцы. Он любил забираться на заброшенный чердак родительской дачи, где хранились экзотические предметы, привезенные отцом из заграникомандировки.

В четвертом классе Михаил переходит в английскую спецшколу № 207, которая находилась на Невском проспекте, рядом с кинотеатром «Колизей». Это было престижное учебное заведение, куда принимались (через жесткое собеседование) «сливки» из близлежащих школ, преимущественно – дети ленинградской послевоенной интеллигенции. Уровень преподавания

был крайне высоким – к примеру, приятели Науменко с гордостью рассказывали, что все ученики из их класса поступили позднее в высшие учебные заведения.

В школе за Мишей закрепляется прозвище «Майк» – так его назвала учительница английского языка Лидия Михайловна Возняк. Это обращение прилипло к нему намертво буквально с первого дня учебы. Одноклассники вспоминают, что новенький ученик оккупировал последнюю парту, где уроки напролет рисовал эскизы гоночных автомобилей, военных самолетов, хоккеистов и гитаристов. Делал он это в красивых эстонских тетрадках «с железными пружинками» – купленных на деньги, сэкономленные на школьных завтраках.

«Майк был прирожденным дизайнером, – рассказывал мне его школьный приятель Саша Самородницкий. – Причем он не увлекался пейзажами, картинками животных или изображением красивых девушек. Его интересовала исключительно униформа».

Параллельно занятиям в школе Науменко записался в кружок технического дизайна во Дворце пионеров, где собирал пресловутые модели самолетов. Его друзья уверяют, что Мише нравилась «красота процесса»: склеивать из пластика объекты, которые гипотетически могли подниматься в воздух. Вскоре он вместе с приятелем Димой Преображенским собрал макет военного самолета, который восхищенные учителя вывесили в качестве основного экспоната отчетной выставки.

Из школьной тетрадки Миши Науменко, 1972

В паузах между уроками и занятиями во Дворце пионеров Майк совершал познавательный обход близлежащих кинотеатров: «Колизей», «Титан», «Аврора», «Октябрь», «Знание» и «Родина». Его любимыми фильмами были «Искатели приключений», «Большой приз», а также – документальная лента «Небо над головой», в которой демонстрировались французские линкоры, авианосцы и морские регулировщики. Эти фильмы Науменко пересматривал несколько раз, не переставая восхищаться красотой «загнивающего» капитализма.

Неудивительно, что в школе Майк блистал именно на уроках английского языка и русской литературы. В частности, написал серьезное сочинение на тему «Мой любимый литературный герой», посвященное Шерлоку Холмсу. Незадолго до этого Василий Григорьевич приобрел за макулатурные талоны дефицитный восьмитомник сэра Артура Конан Дойля, и впечатленный школьник выплеснул на бумагу поток эмоций и размышлений о знаменитом

сыщике. Удивленная советская учительница сухо прокомментировала выбор мальчика странным монологом из серии «вырастешь – поймешь».

«Однажды мы чуть не сорвали урок литературы, – признавался Самородницкий спустя много лет. – Наша преподавательница инспирировала диспут на тему „Сильвио – положительный персонаж или нет?“. Это был пятый класс, обсуждение повести Пушкина „Выстрел“. Мы чуть ли не с пеной у рта отстаивали перед всем классом, что Сильвио был настоящим героем. Также Майку очень нравился Печорин, и мы с ним проштудировали вдоль и поперек „Княжну Мэри“ из „Героя нашего времени“».

В школе, на уроке географии. Слева направо: Саша Самородницкий, Миша Науменко, Юра Горелик, Марек Перельман, 1967

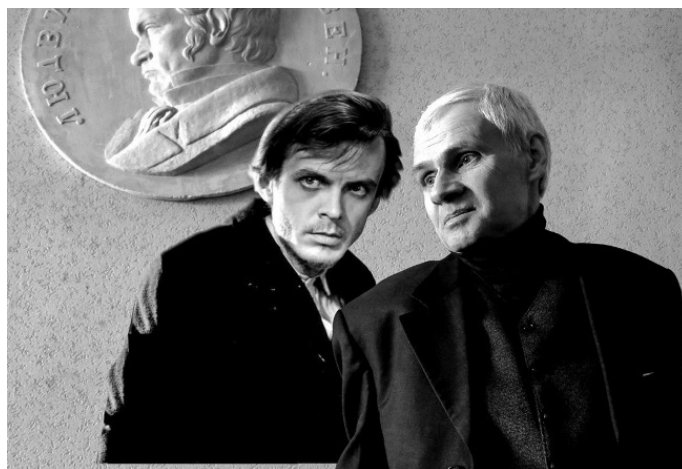
Лидия Михайловна Возняк, преподаватель английского языка

Несмотря на мелкие инциденты, казалось, что у любознательного ученика все в школе идет по восходящей. Так было до тех пор, пока в седьмом классе в его жизнь не ворвался рок-н-ролл. Здесь скорости стали повыше, а высоту полета спрогнозировать было совершенно невозможно.

«Моя сестра Таня тоже училась в английской школе, – объяснял Майк впоследствии. – У нее с друзьями проходили вечеринки, на которых они слушали Билла Хейли и Чабби Чеккера. Мне тогда было восемь лет... И когда я впервые услышал The Beatles, то решил, что они поют по-французски. Но мне

очень понравилось. Через какое-то время просто слушать надоело и захотелось узнать что-то о самих музыкантах».

В квартире на улице Жуковского Майк начал собирать компании одноклассников. Когда школьники рассаживались по периметру комнаты, он поднимал крышку проигрывателя «Аккорд», ставил маленькую черную пластинку и дрожащей рукой опускал иголку на диск. На розовом «яблоке» советского миньона было написано: «Когда мне 64» (Дж. Леннон, П. Маккартни). Слово «Битлз» там было стыдливо опущено, но при первых же аккордах замороженные школьники забывались. Песни недостижимой ливерпульской четверки переслушивали, обсуждая каждое слово и домысливая подробности личной жизни музыкантов. В этих разговорах про ирреальный для СССР мир западного рок-н-ролла таились магия, волшебство и надежда.

Катушечный магнитофон «Айдас» Вильнюсского радиотехнического завода «Эльфа»

Школа жизни

«The Beatles украли у меня сына»

Г. Ф. Науменко

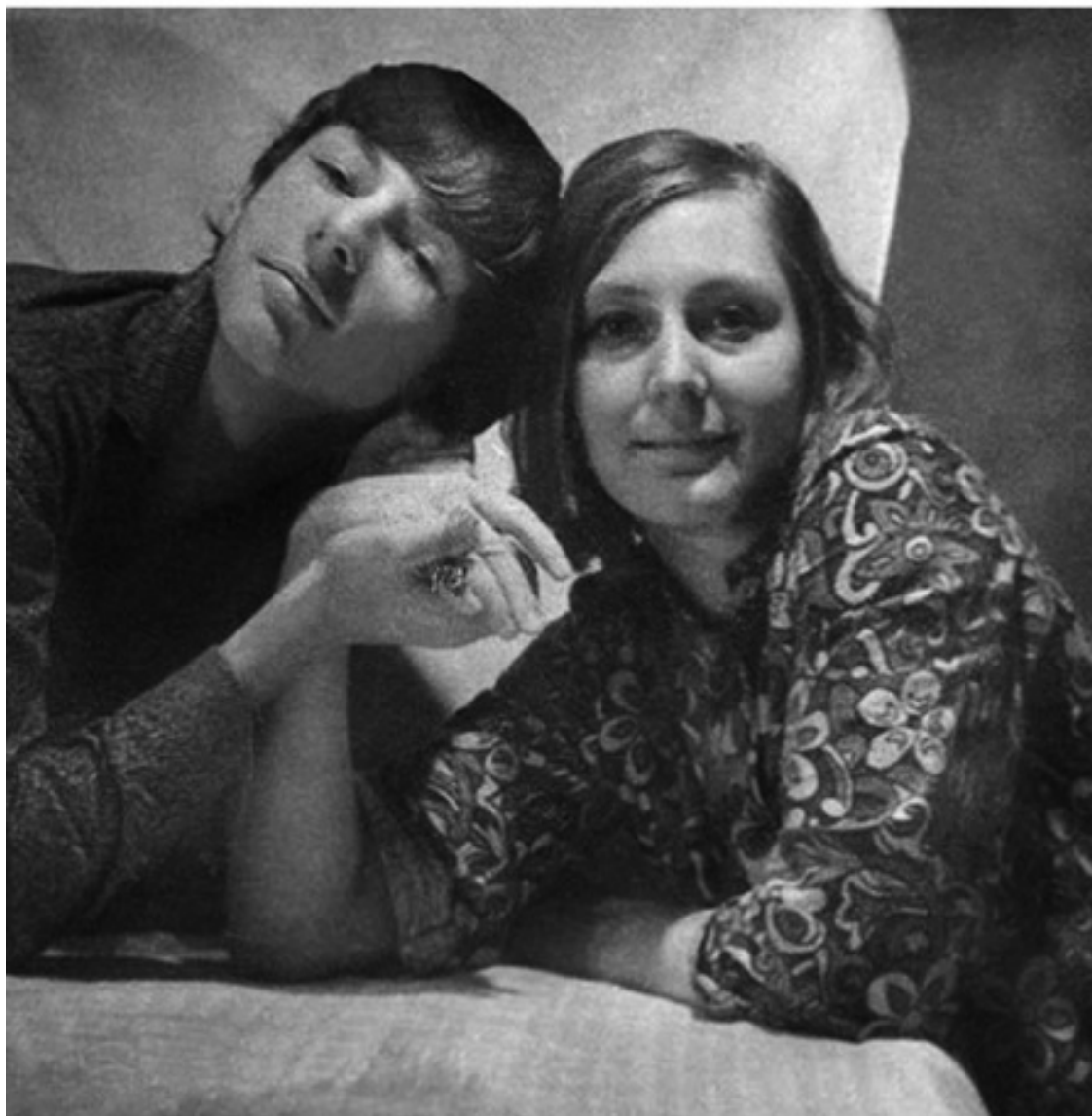
После того, как Надежда Ивановна подарила внуку дефицитный прибалтийский магнитофон «Айдас», Майк начал собирать собственную фонотеку. Он увлеченно оформлял коробки с бобинами, превращая их посредством акварели и фломастеров в произведения декоративного искусства. Этот процесс нельзя было назвать «статичным коллекционированием» – с любимыми песнями хотелось жить, обменивать их на катушки другой музыки и увлеченно обсуждать с друзьями мистические комбинации звуков. Миша Науменко так и поступал.

«Я помню, что каждая новая пластинка The Beatles давала нам больше, чем школа за год», – утверждал Майк.

«Первые тексты The Beatles были настолько примитивны, что у Майка возникла идея блочного сочинительства, – рассказывал Саша Самородницкий. – Еще в школе у него была попытка перекомпоновать куплеты и придумать на их основе новые хиты. Он начал всех этой идеей доставать, и все новости с утра у него касались исключительно различных версий монтажа».

Не чурался Науменко и композиций на русском языке. К примеру, однажды он принес в школу вырезанный из газеты текст песни «Королева красоты» – и предложил одноклассникам выучить слова этого твиста наизусть.

К восьмому классу начинающий меломан целиком заполнил свою первую рок-н-ролльную тетрадь – с подробнейшим описанием истории западных рок-групп и их дискографиями. Старшая сестра активно помогала Мише искать информацию: в польских и болгарских журналах, английской коммунистической газете Morning Star, а также – на обложках фирменных пластинок.

Миша с сестрой Таней

Друзья вспоминают, что уже в те годы Таня Науменко оказывала на Майка существенное влияние. Она была образцом интеллектуальной рафинированности и слыла источником осведомленности брата в сфере современной культуры. Сестра сформировала его вкус и увлекла романтикой «Трех товарищей» Эриха Марии Ремарка. Дружеские и любовные отношения, описанные в романе, затем повлияют на жизнь самого Майка. Сестра опекала его в мелочах, вручную, шаг за шагом, корректируя впоследствии даже имидж брата. Например, могла связать ему свитер по последней моде или сшить сумку для пластинок к обмену.

Вечерами Науменко-младший сидел, прижав ухо к прибалтийскому радиоприемнику. Неведомый сегодня сакральный процесс – прорываясь сквозь шум советских глушилок, слушать песни Боба Дилана, Джона Леннона и Леонарда Коэна.

Помимо тетрадок с рисунками, Майк завел целую картотеку с названиями групп, альбомов, сменами составов и так далее. Еще недавно у него хранились принесенные с работы мамой библиотечные карточки с техническими характеристиками самолетов. Теперь их место в ящиках стола заняли рок-музыканты – со своими мифами, историями и придуманными биографиями.

«Все свободное время Майк читал книги, – вспоминал Самородницкий. – Вернувшись после летних каникул, он с гордостью заявил, что „одолеет“ всего Тургенева. Кроме того, великолепно знал английский и шлифовал его по текстам любимых рок-групп. Как известно, в их лирике было много диалектизмов, и для Майка это оказалось отличной практикой на будущее».

Вскоре юный рок-интеллектуал на глазах у родственников принялся выпиливать из глянцевой доски гитару. Наблюдая такое рвение, бабушка убедила родителей в необходимости покупки настоящего музыкального инструмента. В день рождения Михаил получил в подарок первую акустическую шестиструнку. Теперь ему открылся смысл жизни, и сутками напролет он стал учиться играть на гитаре.

Сначала ничего не выходило. Науменко не знал нотной грамоты, но категорически отказывался идти в музыкальную школу, считая это делом ненужным и даже вредным. Долгое время было принято считать, что Майк освоил первые аккорды с помощью друзей из музыкальной школы. Мне удалось отыскать его одноклассника Дмитрия Калашника, который категорически опроверг эту версию. Он рассказал о том, что в старших классах подарил своему приятелю выцветшие фотографии с нотами нескольких песен The Beatles. Там же были и рисунки знаменитых The Beatles Chord Charts, иллюстрировавших аппликатуры гитарных аккордов.

Несложно догадаться, что контрастность едва позволяла эти рисунки рассмотреть. Это были пятые копии фотографий очень плохого качества – кажется, из молодежного польского журнала. Разобрать, что там изображено, можно было только при помощи увеличительного стекла и настольной лампы. Но будущий поэт и музыкант упорно старался опознавать и брать эти удивительные в своей простоте аккорды.

Майк крутил эти темные объекты влево и вправо, подносил близко к глазам – до тех пор, пока не идентифицировал «наскальную графику» на «слепых» фотоснимках. В этом была его настоящая, а не навязанная школой и родителями, жизнь.

Выпускная фотография: в кругу школьных друзей, 1972

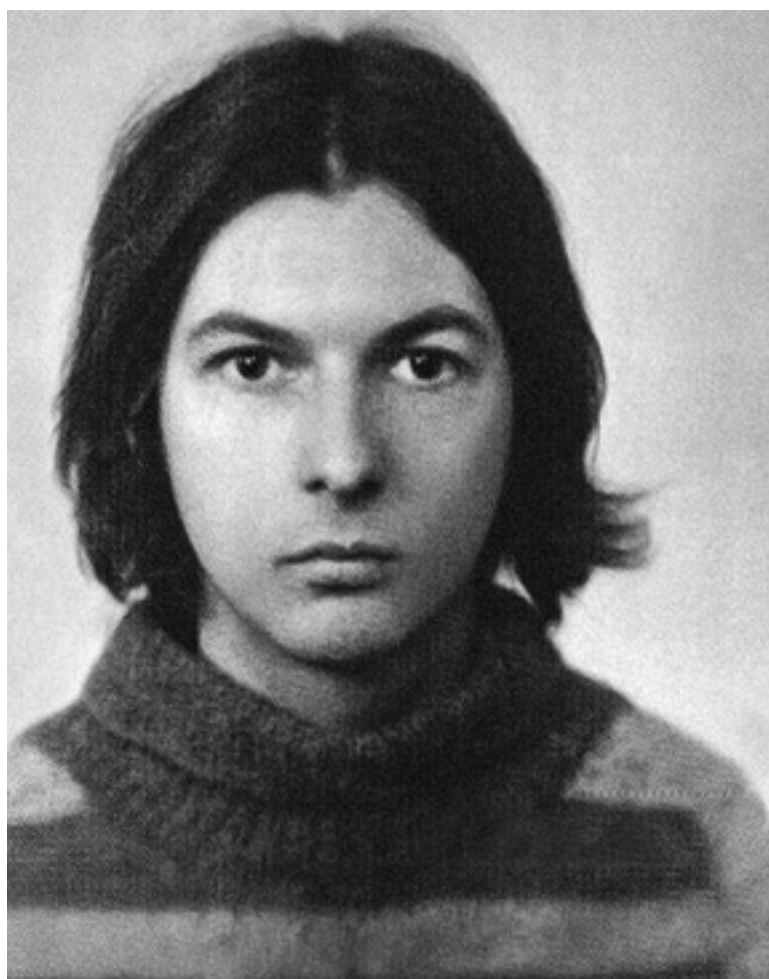
«Я учился играть по нотам The Beatles, – комментировал Майк этот процесс. – Потом заинтересовался музыкой в целом и начал ходить в филармонию. Но понимать что-то стал после того, как проштудировал „Элементарную теорию музыки“. Впрочем, для рок-н-ролла это оказалось совершенно бесполезным».

После того, как Науменко разучил основные аккорды, остальное перестало его интересовать – включая уроки, сон и еду. Такие перемены в поведении не могли остаться незамеченными в семье. Он здорово рассорился с отцом – ветераном Великой Отечественной войны,

который в ярости расколотил гитару и заставил сына написать расписку: «Я обещаю больше никогда не слушать The Beatles!»

Правда, для Василия Григорьевича эта победа оказалась пирровой. Как признавались институтские и школьные друзья Миши, «его папа долгое время вообще не врубался, кого именно он родил». Дело кончилось тем, что Науменко-младший ушел во внутреннюю эмиграцию, надолго запершись в своей комнате и ни с кем не разговаривая.

Даже Надежда Ивановна не всегда понимала, что происходит в душе ее любимого внука. Несмотря на то, что они часто слушали рок-оперу *Jesus Christ Superstar* и Миша с энтузиазмом переводил тексты, у бабушки был предел терпимости. Когда за стенкой особенно громко заиграл *Pink Floyd*, альбом *Ummagumma*, Надежда Ивановна заглянула в комнату и озабоченно спросила: «Миша, а у тебя магнитофон случайно не сломался?»

Майк, 1975

Беда не приходит одна. Вскоре Михаила Науменко исключили из комсомола. С этой организацией у шестнадцатилетнего ученика возникли чисто эстетические разногласия. Он прогуливал комсомольские собрания, во время уроков играл в карты, а на школьных вечеринках начал пить сухое вино. После этого в семье Науменко случались «разборы полетов» – иногда, впрочем, весьма своеобразные.

«Прошла весна, настало лето, спасибо партии за это!» – ответил однажды юный художник на вопрос матери об инциденте с комсомольской ячейкой. В этот момент в коридор вышел завернутый в халат отец и завершил частушку искрометной импровизацией: «И я восторженно кричу – Леониду Ильичу!»

Не без удивления наблюдая такое согласие, Галина Флорентьевна удалилась, тревожно бормоча себе что-то под нос.

Как только Миша окончил школу, семья переехала из центра Ленинграда – в Московский район, на улицу Варшавскую. Тем же летом он поступил в инженерно-строительный институт, но это был распространенный компромисс. Уже много лет отец Василий Григорьевич читал там курс лекций по геологии, а сестра Таня училась на архитектурном. В итоге семнадцатилетний поклонник The Beatles нехотя сдал вступительные экзамены на строительный факультет. На лекции ходил по инерции – чтобы не расстраивать родителей, которые, по их признанию, хотели видеть в нем «шагающего вперед советского юношу с высшим образованием».

Впрочем, терпения у Майка хватило до первой летней сессии. В мае 1973 года в дружной семье Науменко произошла почти детективная история – относительно дисциплинированный студент внезапно исчез из дома. Он вдруг понял, что категорически не желает сдавать совершенно неинтересные ему экзамены и зачеты.

К этому побегу Майк готовился еще с момента получения паспорта. Деньги на проезд и питание он раздобыл, продав институтским приятелям свою «золотую коллекцию» магнитофонных записей The Beatles. После чего купил билет на поезд – естественно, в один конец.

Начались отчаянные поиски беглеца. Станным образом ни Саша Самородницкий, ни Дима Калашник не знали о дерзких планах своего приятеля. Пропажу обнаружили через несколько дней в Киеве, куда он добирался поездом с пересадкой в Москве. Примечательно, что за компанию с ним рванул одноклассник, но у того быстро сдали нервы и с середины дороги он вернулся.

В Киеве Майк остановился у знакомых второкурсников в общежитии политехнического института. По одной из версий, там он подружился с балагуром по имени Гена Найстетер, который развлекал студентов смешными перепевками битловских песен. Например, на мотив You Never Give Me Your Money он исполнял местный хит «Ти не даєшь мені грошей».

Вернувшись через месяц в Ленинград, Майк не стал ничего объяснять родителям. Он похудел, оброс, начал курить «Беломор» и замкнулся в себе. Было очевидно, что после того, как Науменко-младший прошел начальный курс «взрослой жизни», учеба в ЛИСИ показалась ему чем-то архаичным и ненужным.

«После вояжа в Киев стало заметно, что Мишу тяготит институт, но при этом его также беспокоит перспектива службы в армии, – вспоминала Галина Флорентьевна. – В его поведении стали прослеживаться какая-то неудовлетворенность, подавленность и надлом. Мы решили обратиться к психиатру, записались в институт имени Бехтерева, к хорошему и внимательному специалисту. Вывод профессора был категоричен: „Нужно дать Мише отдохнуть годик от учебы. Армия ему категорически противопоказана“».

Татьяна Апраксина, 1976

Фото из архива Татьяны Апраксиной

Майк вышел от врача совершенно счастливым человеком. Теперь он был защищен от военкомата справкой о наличии маниакально-депрессивного психоза. И с поздней осени 1973 года его жизнь перетекла в неведомое и прекрасное в своей непредсказуемости русло.

Майк взял академический отпуск и решил плыть по течению: общаться с друзьями, слушать пластинки, писать рассказы и налегать на чтение книг. Особенно сильное влияние на него оказала повесть Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», перевод которой был опубликован в журнале «Иностранная литература». Будущий рок-музыкант восторженно делился впечатлениями от этой притчи с друзьями, среди которых была молодая художница Таня Качалина. В ее уютной квартирке, расположенной в Апраксином переулке, часто собиралась богема: читали стихи, играли на фортепиано и на гитаре, рисовали. Литературно-музыкальный салон незаметно превратился в «Апраксин дворец», а саму Татьяну закономерно стали называть не Качалиной, а Апраксиной.

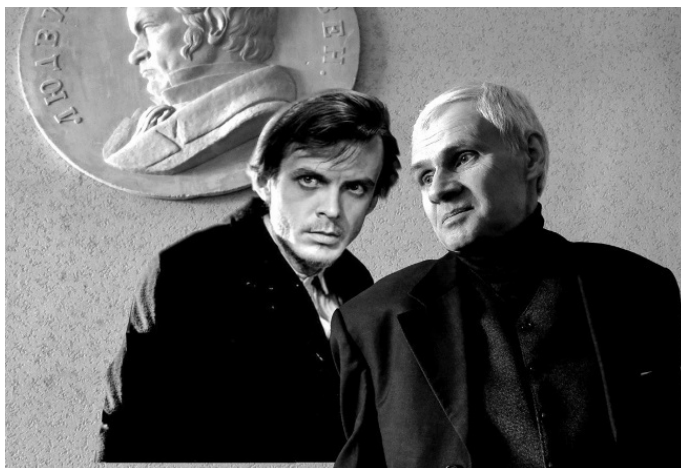
«Дома у Апраксиной было приятно именно посидеть, – вспоминал звукорежиссер „Аквариума“ Марат Айрапетян. – Полутьма, картины и доски на стенах, общение без воплей, гостеприимные хозяева, атмосфера любви – что, впрочем, приводило к неожиданным перетасовкам, казалось бы, давно устоявшихся пар. Все это выглядело как странная, но затягивающая

берлога – тем более что хозяева не шлялись по „Сайгонам“ и другим местам. На память мне остался мой портрет кисти Татьяны, на котором я выгляжу намного лучше, чем в жизни».

Одним из энергетических центров этой тусовки постепенно становился Миша Науменко.

«Как-то осенью 1974 года Майк уткнулся в листок бумаги, лежавший перед ним на низком столике, и начал задумчиво заполнять его словами, – рассказывала позднее Татьяна Апраксина. – Углубившись в это занятие, он все больше изолировался от компании, отмахиваясь от замечаний и шуток в свой адрес. Через некоторое время призвал всех к тишине и объявил с преувеличенной серьезностью: „Я вот тут написал песню... про нас всех... если хотите, я могу“. Он попросил гитару, поискал тональность, добавил своему голосу побольше гнусавости и в излюбленной „дилановской“ манере, тягуче и монотонно „пронял“ не очень складные, но зато очень искренние, как и все, что делал Майк, дифирамбы».

Первоначально композиция называлась «Апраксин блюз», а позднее – «Посвящение Татьяне»: «Над морем плывет тихий блюз, очень нежный / Все печали забыты, все прекрасно, как прежде... / Нарисуй мне картинку и раскрась ее ярко / Нарисуй мне, что я убежал / Убежал, убежал из зоопарка».

Толик «Родион» Заверняев (коллаж, слева – артист Георгий Тараторкин)

Фото: Андрей «Вилли» Усов

Зубы Родиона

*«Нам надо было обязательно провести черту между нами и этим
скучным миром»
Борис Гребеничиков*

Никто не мог знать, что вскоре жизнь Майка потечет в другом направлении. После возвращения из «академа» он познакомился в институте с чрезвычайно колоритной фигурой по прозвищу «Родион». Это знакомство стало для Науменко точкой бифуркации.

Настоящее имя хранителя сакральных знаний было Толик Заверняев. Еще в старших классах он полюбил «Преступление и наказание» и получил прозвище «Родион» за внешнее сходство с артистом Георгием Тараторкиным из одноименного фильма. Толик-Родион поражал воображение сверстников цитированием на память огромных фрагментов из умных книг и, в частности, из полного собрания сочинений Ленина.

«Добросовестно я учился совсем недолго, – уверял меня впоследствии Родион. – Начиная со второго семестра я стал прогуливать почти все лекции – с легкой руки Майка, естественно. К примеру, на экзамене по физике мы увидели нашего профессора второй раз... Короче, после встречи с Науменко моя жизнь поменялась. Он познакомил меня с Таней Апраксиной, со школьными друзьями и приятелями-меломанами. У нас даже появились пластинки, купленные вскладчину: Марк Болан, Лу Рид, Дэвид Боуи. Но денег всегда было мало, поэтому и диск у нас оказался немного».

Часто беседы «интеллектуалов от рок-н-ролла» затягивались до поздней ночи. И тогда Родион, чтобы не ехать домой на другой конец города, оставался ночевать у Майка. Следующий день мог выглядеть так: скажем, Родион, проснувшись, обнаруживал себя на тигриной шкуре, привезенной Василием Григорьевичем из вьетнамской командировки. Пока студент выравнивал дыхание после встречи с клыкастой пастью, Майк успевал изжарить черный хлеб на завтрак. Затем друзья принимали дозу западной музыки и направлялись, к примеру, в гости к Тане Апраксиной.

«Иногда я думал о каких-то серьезных вещах, но говорить об этом мне не хотелось, – признавался позднее Майк. – В восемнадцать лет я понял, в чем смысл жизни. Как сейчас помню, проходил мимо Апраксина двора и... просто озарение какое-то наступило. Вдруг шмыкнуло – и я понял. И никому никогда я про это не скажу».

Еще со школы Науменко мечтал создать собственную рок-группу и назвать ее Rains – он предполагал исполнять ритм-энд-блюз на английском языке. Родион вспоминал, что в институте Майк таскал с собой тетрадку с сочиненными текстами, из которых в памяти задержались My Birthday Song, Rain и Maserati Baby – своеобразное посвящение Марку Болану. Начиная рок-звезда воображал свои концерты размахом не ниже, чем у Т. Рех, полностью игнорируя идейно-финансовую сторону процесса.

Дни текли в тесном общении. Когда Галина Флорентьевна и Василий Григорьевич уходили на службу, друзья сбегали с лекций и ехали домой, на Варшавскую. Там Майк тестировал на друге новые песни, сопровождая их упрощенным гитарным аккомпанементом. По воспоминаниям Апраксиной, «часто между Родионом и Майком происходили абсурдистские „аристократические“ беседы, в которых они церемонно обращались друг к другу исключительно на „вы“ и с должной степенью высокопарности. Для Родиона это было естественной нормой, а Майк смаковал остроту подконтрольности стилю».

Как-то маме пришлось выслушать «концерт» сына, доносившийся из его комнаты. Не дождавшись финала, Галина Флорентьевна вошла и с непроницаемым лицом заявила: «Сынок,

запомни, у тебя нет никакого вокала! Одно лишь нахало!» Многие годы она критиковала вокальную манеру Майка, но однажды смирилась, приняв, что бороться бесполезно.

«Я твердила Мише прописные истины о том, что нельзя быть свободным от чувства долга, от семьи и от общества, – сожалела впоследствии Галина Науменко. – Но разве мог он тогда все это воспринять? Господи, до чего же плохо мы с отцом понимали своего сына!»

Со временем Науменко-младший нарастил надежную броню от критики родных – в виде первых песен и внушительной коллекции магнитофонных, любовно оформленных, катушек.

«В институте мы слушали не только рок, но и массу другой музыки, – уверял меня Родион. – К примеру, на день рождения Майк подарил мне две пластинки: „Пер Гюнт“ Грига и „Петрушку“ Стравинского. То есть академическую музыку мы тоже слушали, но в основном – барочную, лютневую, а также несколько произведений Вивальди. Нашим любимым композитором был Стравинский, особенно – „Весна священная“. Еще нам нравилась „Глория“ Вивальди – как культурологический продукт совершенно иной эпохи».

Фото из архива Александра Самородницкого

Параллельно так называемой учебе Родион успел подружиться с компанией музыкантов из группы «Аквариум». Они часто тусовались на факультете прикладной математики или мигрировали по неизменному маршруту: Михайловский замок – кафе «Аббатская дорога» – «Сайгон». В легендарном кафе на углу Владимирского и Невского проспектов стояли итальянские кофеварочные автоматы, и кофе из них был лучшим в Ленинграде. Каждый вечер у входа в «Сайгон» собиралась вся музыкально-хипповая общественность: от Володи Рекшана из группы «Санкт-Петербург» и джазового пианиста Сергея Курёхина до битломана Коли Васина и фотографа Андрея «Вилли» Усова.

«Наша жизнь была структурирована городом, – пояснял спустя сорок лет Анатолий „Родион“ Заверняев. – Кафе „Сайгон“ было главной коммуникацией Невского проспекта, и центральные улицы играли важную роль в наших прогулках и планах. Белые ночи и так далее... Когда мы „пили всю ночь, гуляли всю ночь до утра“, то гуляли не по Купчино. К примеру, у Гребенщикова с крыши дома открывался изумительный по красоте вид на Казанский собор. Это был действительно образ жизни, который Майка очень сильно подпитывал».

Надо признаться, что даже в «аквариумовской» тусовке Родион слыл личностью экстравагантной. В частности, он везде ходил в шлепанцах на босу ногу и одним из первых начал проводить рискованные опыты над собственной психикой. К примеру, в магазине бытовых товаров покупался латвийский пятновыводитель Sorals, который на сленге назывался «банка». «Банкой» смачивался носовой платок, и Родион самозабвенно вдыхал пары. Всего тринадцать копеек обеспечивали счастливые галлюцинации, которые Толик-Родион активно комментировал и даже воспроизводил вслух – от громкого крика чаек до шума морского прибоя.

«Банка» считалась если не аналогом калифорнийского ЛСД, то, как минимум, его достойным психотропным предчувствием. В поисках нового опыта молодые авангардисты пошли «тропой Родиона», и вскоре у группы «Аквариум» возник романтический блюз: «Будь для меня, как „банка“, замени мне косяк / Мне будет с тобою сладко, мне будет с тобою ништяк».

После покупки очередной партии Sorals товарищ Заверняев заявился в «Сайгон», выкрасив зубы в красно-черный цвет. Он таинственно поведал друзьям, что планирует нанести визит в военкомат и во всеуслышание объявить себя пацифистом. На деле – чтобы не идти служить в армию. И пока приятели отговаривали его добровольно взаимодействовать с властями, впечатленный Гребенщиков сочинил балладу «Зубы Родиона», вошедшую затем в доисторический магнитоальбом «Таинство брака».

Наконец, «пионер отечественной психонавтики» созрел для конструктивного жеста – познакомить Майка с музыкантами «Аквариума». Науменко из Гребенщикова уже кое-что слышал – например, веселую стилизацию под поэта Некрасова:

«Вчерашний день, в часу седьмом
Из „Лакомки“ я вышел.
На центре явно был облом —
Звук фака там был слышен.
В „Сайгоне“ были хиппари,
Фарцы тянули виски.
И музе я сказал: „Смотри!
Вон там сдаются диски!“»

Любопытно, что с точки зрения Бориса Борисовича, их первая встреча с Майком случилась дома у художника Михаила Зархи, студента Мухинского училища, родители которого уехали куда-то на лето.

«Однажды Родион привел с собой невысокого человека, – рассказывал вокалист „Аквариума“. – Мы все были до беспамятства пьяны, и нам было очень весело. Ну, вот еще один человек пришел – раз Родион привел, значит, хороший человек... Мы познакомились с Майком, и нашли друг в друге родственные души – в смысле знания английского языка и любви к современной музыке на этом языке».

В свою очередь, Родион-Анатолий Заверняев предлагает другую версию знакомства. Он уверен, что Науменко с Гребенщиковым впервые пересеклись в чебуречной, расположенной по соседству с инженерно-строительным институтом.

«В тот день мы пили сладкий портвейн и ели вкусные чебуреки, – утверждает Родион. – Но вокруг было много шумных студентов, и, судя по всему, мои приятели друг друга совершенно не запомнили. И если Майк, возможно, еще смутно помнил имя, то Гребенщиков точно все позабыл».

В этой «комедии положений» я склонен придерживаться третьей версии – авторства виолончелиста Севы Гаккеля, который к тому времени уже несколько месяцев играл в «Аквариуме». Он считал, что знакомство «аквариумной» тусовки с Науменко состоялось во время массового выезда на нудистский пляж.

«Майка я увидел в июне 1975 года, когда мы поехали купаться на остров Сент-Джорджа, – утверждал Гаккель. – Это райское местечко находится на побережье Финского залива, недалеко от Сестрорецкого курорта. Мы двинулись туда большой компанией – вместе с Борей, Фаном и несколькими девушками. С нами были и Майк с Родионом. Сидя в электричке, мы естественным образом все друг с другом познакомились».

Знакомство, судя по воспоминаниям, вышло знатным. Всю дорогу молодые люди пели в тамбуре песни The Beatles. По прибытии на место дислокации происходили традиционные обряды: купание нагишом, распитие сухого вина, дикие танцы у костра и торжественное принятие Майка в Орден острова Сент-Джорджа. Такими были «земляничные поляны» в ленинградском преломлении музыкантов «Аквариума» и их друзей.

В тот волшебный вечер кто-то по приколу представил «ударником „Землян“» бас-гитариста Фана, который славился еще и тем, что крайне ловко умел шить джинсы. Общих тем у Майка с Михаилом «Фаном» Файнштейном оказалось столько, что они никак не могли наговориться. Затем вместе читали стихи, написанные сооснователем «Аквариума» Анатолием «Джорджем» Гуницким (в честь которого и был назван остров Сент-Джорджем), и передавали друг другу измятые листы с поэмой Гребенщикова «В объятиях джинси».

«В то время Остров принадлежал другой Вселенной, – резюмировал Гребенщиков. – Я помню, как мы переходили речку, становились на колени и целовали землю в качестве обряда допущения на Остров. Что казалось нам глубоко религиозным и правильным, поскольку это была неприкосновенная земля, явно принадлежащая другому измерению».

Возвратившись в Ленинград, Майк серьезно озадачился, а тут еще Родион притащил магнитофонные альбомы «Искушение святого Аквариума» и «Притчи графа Диффузора», на которых Гребенщиков с Гуницким изящно выстраивали архитектуру своих безответственно абсурдистских произведений.

Татьяна Науменко

Последней каплей стала машинописная стилизация Бориса под детективы Агаты Кристи, начинавшаяся со строк: «Отель „Континенталь“ был полон блядьми под самую завязку...»

От таких красивых слов у Майка моментально улучшилось настроение. Столкнувшись с этой свободой, он решил снова и как можно скорее бросить институт. Позднее Науменко вспоминал, как после двух академических отпусков отчетливо понял, что первый же дом, построенный по его проекту, очень скоро рухнет. Уже несколько лет молодой музыкант жил в мире, где для ЛИСИ совсем не оставалось места. Казалось, что город Ленинград, в котором работали его родители, и Ленинград, в котором писал свои первые песни Майк – были разными городами.

«Очевидно, что с годами человек меняется, – считала Галина Флорентьевна. – Но то, как со временем изменился наш сын, даже вообразить было невозможно. Как будто до восемнадцати лет мы знали одного человека, а после – встретили другого. В нем изменилось все: характер, увлечения, взгляды, занятия... Мы приложили все усилия, чтобы удержать его в

институте, но Миша настойчиво и, с нашей точки зрения излишне упрямо и последовательно шел по намеченному пути».

Важно отметить, что на уход Майка из профессии в немалой степени повлиял пример его сестры. Отработав по распределению в ГИПРОГОРе («Государственный институт проектирования городов»), Таня Науменко резко сменила вектор своих увлечений, переключившись на переводческую деятельность.

«Сестра Майка проработала три года по распределению и больше не стала заниматься архитектурой, – рассказывал мне Саша Самородницкий. – Я выдержал муки погружения в специальность и пошел дальше, а Таня меня всю жизнь подкалывала: „Саша, ну тебе это не надоело?“ Получается, что мысль о бесполезности углубления в какую-то официальную профессию в брата заложила именно она. Возможно, Таня это сделала неосознанно, но именно по ее примеру Майк бросил институт».

Неудивительно, что стены ЛИСИ скоро оставил и Анатолий Заверняев, испытавший после освобождения от обучения глубокий духовный подъем и избравший по рекомендации Севы Гаккеля карьеру грузчика в университетском издательстве.

Тусовка «Аквариума» на острове Сент-Джордж, 1982
Фото: Андрей «Вилли» Усов

«Примечательно, что учеба и Родион были частями совершенно разных вселенных, – объяснял мне впоследствии режиссер „Аквариума“ Марат Айрапетян. – Приятель Майка уверенно разыгрывал образ городского сумасшедшего и держался за него довольно долго. Практически ни в чем не участвуя и ехидно комментируя происходящее со стороны, он ухитрялся присутствовать везде – будь то репетиция „Аквариума“, поход в „Кинематограф“ или пьянка у Сергея Курёхина».

Подводя итоги этого периода, заметим, что творческая карьера хранителя сакрально-меломанского знания развивалась следующим образом: бригадир сторожей – эмигрант, танцор, опытный эзотерик, театральный актер, эксперт-интеллектуал широкого профиля.

«Искусство – это только побочный продукт нашей жизни, – подвел итоги своих мистических озарений Родион в финале нашего интервью. – Человек творит себя, а произведения искусства – это всего лишь побочный продукт».

Борис и Майк, 1977
Фото из архива Натальи Науменко

Пески Петербурга

«Человеческому вкусу нет никакого объяснения»

Леонард Коэн

К середине 70-х годов Майк становится одной из ключевых фигур культурной столицы нашей страны, в которой рок-н-ролл был объявлен несуществующим изнутри и враждебным снаружи явлением: кафе «Сайгон», первые сейшены, «Эврика», спекуляция виниловыми дисками и прочие запрещенные действия, за которые по неосторожности можно было оказаться за решеткой. По инерции встречаясь с бывшими одноклассниками, Науменко открыто посмеивался над их стремлением получить диплом о высшем образовании – как будто это гарантировало пригодность в жизни. Они отвечали взаимностью, считая рок-музыку нелепым увлечением, и грозили трезвым взрослением с последующим разочарованием.

Спустя много лет мне было интересно пообщаться с однокашниками Майка, которые когда-то единогласно осудили его решение бросить институт. Они категорически не верили в артистические перспективы Науменко, на что тот неизменно парировал: «Самый худший среди нас – гораздо лучше, чем самый лучший среди вас». Товарищи не на шутку обижались, но возразить – кроме идеологических штампов – было нечем.

«После школы Майк поступил в инженерно-строительный институт, потому что был хорошистом и послушным мальчиком из профессорской семьи, – считает Дима Калашник. – Такая тогда была традиция – идти учиться дальше. Но Миша быстро бросил учебу, так как, в отличие от нас, активно искал себя. Он свалил из института и ушел туда, где его что-то звало. И в тот момент он перестал быть Мишей Науменко, а реально стал Майком».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.